

УДК 293.21

О. В. Кутарев

аспирант Русской христианской гуманитарной академии

**ДРЕВНЕРУССКИЙ ДАЖЬБОГ, СЕРБСКИЙ ДАБОГ
И ГРЕЧЕСКИЙ СЫН ГЕФЕСТА ГЕЛИОС**

Copyright © 2015, О. В. Кутарев

Статья рассматривает в оригинале и русском переводе два первоисточника, которые могут быть полезны в исследованиях славянской языческой религии. Это, во-первых, фрагменты «Хронографии» византийского автора Иоанна Малалы (VI в.), в древнеславянском переводе которого (X в.) появляются теонимы Сварог и Дажьбог; далее фрагменты попали в «Повесть временных лет». Персонажей «Хронографии» по каким-то причинам древнеславянский книжник соотнес со славянскими богами; объяснение этому нужно искать, опираясь на сам источник. Во-вторых, приводятся две народные сербские сказки, записанные в середине XIX в., где фигурирует некий Дабог, также соотносимый с Дажьбогом. Возможно, сказки можно рассматривать как пример сохранности (но в то же время и изменчивости) отдельных элементов язычества в народных преданиях. Помимо публикации первоисточников (часть их дается в полном переводе на русский впервые), в статье анализируется история и сущность рассматриваемых текстов.

Ключевые слова: славянское язычество, Дажьбог, Сварог, Дабог, славянский фольклор.

Kutarev O. V.*Russian Dajbog, Serbian Dabog and Greek son of Hephaestus, Helios*

This paper gives original and Russian translations of two sources, which can be used for searching at Slavic paganism. At first there are fragments from Ioann Malala's "Chronographia" (6th century AD), in Old-Slavonic translation of which (Xth century AD) appear Slavic theonims Dajbog and Svarog. For answer to question: why ancient Slavic author used these names, we need to analyze both texts: original and translation. Second, there are two fairy-tales from Serbian folklore, which were writing at the middle of 19th century, and which says about Dabog — some scholars think he can have some parallels with east-Slavic Dajbog. Perhaps, we can look at this tales as an example of saving and changing of pagan elements in folklore. Except the sources, the article concludes some research of history and subjects of texts.

Keywords: Slavic paganism, Dajbog, Svarog, Dabog, Slavic folklore.

*Светлой памяти Олега Викторовича Творогова,
великого исследователя древнеславянской литературы*

Во многих работах о древней славянской языческой религии можно отметить общую тенденцию: они начинаются с упоминания бедности источниковой базы по данному предмету. И это справедливое замечание, поэтому в настоящей статье нам хотелось бы представить публикацию источников, необходимых для дальнейшего, более углубленного исследования, посвященного славянским богествам.

Конкретно — речь пойдет о Дажьбоге. Этот восточнославянский персонаж традиционно упоминается в контексте двух древнерусских источников XII в.: «Повести временных лет» (далее ПВЛ) и «Слова о полку Игореве» (далее СПИ). В ПВЛ он упоминается в статье о 980-м г.:

В год 6488 (980) <...> И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их

богами, и приводили своих сыновей (здесь и далее ссылки и на оригинал, и на перевод с др. — рус. О. В. Творогова, который цитируется) [18, с. 126–127].

Кроме того, Дажьбога прямо упоминает статья о 1114 г. в Ипатьевской редакции ПВЛ, она особо рассматривается ниже, но отметим, что в более ранней Лаврентьевской редакции ПВЛ этого фрагмента нет. Косвенно речь о Дажьбоге может идти и в статьях о 983, 988, 1071 гг. и т. д., но прямо теоним (имя бога) упоминается лишь здесь.

В СПИ же дважды встречается выражение «дажьбажий внук» [20, с. 30, 39], которое традиционно понимают как эпитет либо князей, либо всех русских; останавливаться на этом подробнее не входит в наши задачи. Без сомнения, рассмотрение ПВЛ и СПИ заслуживает первостепенного обращения, но часто этим рассмотрением обзор источников и завершается. Это не вполне оправданно, хотя действительно, ряд остальных текстов, использующих этот теоним, просто упоминает Дажьбога в епископских почитаемых язычниками персонажей, в основном очевидным образом цитируя ПВЛ, 980. Например, поучение против язычества с длинным названием «Слово святого

отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константина града, о томъ како първое погании веровали въ идолы, и требы имъ клали, и имена имъ нарекали, яже и ныне мнози тако творять, и в крестьянстве, соуще, а не ведають что есть крестьянство», также упоминающее Дажьбога, не добавляет к нашему его пониманию ничего (пер. с др.-рус. наш):

А другие веруют в Стрибога, Дажьбога, и Переплута, которому, вертясь, шьют из рогов [3, с. 319–327].

Подобна этому памятнику, скажем, и Густынская летопись (пер. с др. — рус. наш):

Имели и еще больше богов: Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла, Мокоша (так!) [16, с. 115–117].

Рассмотрим еще два источника, проявляющих определенную самостоятельность в упоминании Дажьбога и потому заслуживающих более пристального внимания.

1. Первый из них — это «Хронография» Иоанна Малалы, византийский памятник VI в. Его древнеславянский перевод был сделан уже в X в., видимо, в Болгарии [22]. Таким образом, это «источник, касающийся высшей мифологии южных славян (а не восточных, как это почти повсеместно принято считать)» [15, с. 75]. Этот текст представляет собою типичный хронограф, рассматривавший с учетом библейской мифологии историю мира «от сотворения» и до современной автору эпохи. При этом библейские и греческие мифы у Малалы смешивались в единое повествование, создаваемое довольно своеобразно и искусственно. Автор, христианин, писал с позиций эвгемеризма — античные боги представляли в его работе обожествленными из невежества историческими деятелями прошлого, в основном царями. Именно текст Малалы лежит в основе статьи о 1114 г. в Ипатьевской редакции ПВЛ: здесь автор летописи рассказывает о стеклянных шариках, будто бы выпадающих в Ладоге из туч. Чувствуя скепсис читателя, летописец начинает цитировать «Хронографию», вначале сосредотачиваясь на тех фрагментах у Малалы, где с небес падали различные предметы: пшеница, серебро, камни. Далее он цитирует фрагменты, описывающие, как в Египте во времена правления Гефеста (в славянском переводе «Феоста») с небес упали еще и клещи, а затем приводит историю правления Гефеста и его сына Гелноса (в славянском переводе «Солнце»), раскрывая тему установления указанными «египетскими царями» института брака. Общеизвестно, что древнерусский летописец цитировал не греческий текст, а известный ему славянский перевод. Но в самом этом переводе X в. по какой-то причине Гефеста «Сварогом называли египтяне», а Гелноса характеризуют: «сын его, по имени Солнце, которого называют Дажьбогом». Полная цитата статьи ПВЛ о 1114 году дается в Приложении 1.

В ходе своих исследований славист В. М. Истрин опубликовал весь дошедший до нас древнеславянский перевод византийского памятника с греческим оригиналом [9]. В данной же статье представлены фрагменты, упоминающие Гефеста-Сварога и Гелноса-Дажьбога: как греческий текст «Хронографии» (известного по т. н. «оксфордскому» списку [26]), так и его перевод на современный русский язык, которого нет у Истрина. Нужно уточнить, что указанный фрагмент текста ПВЛ о 1114 г. представляет собой «свободный пересказ главы 23 первой книги Хроники Малалы, главы 1 второй книги и главы 4 четвертой книги» [18, с. 523]. При этом 1.23 — это последние строки 1-й книги, что делает фрагменты 1.23–11.1 сплошным текстом (Дажьбог как калька греч. Γήλιος (Гелиоса) встречается также в 11.2). Эти фрагменты даются в Приложении 2.

Проведение достаточно очевидных параллелей фрагментов Малалы с текстом ПВЛ, 1114 оставим читателю, равно как опустим и подробное комментирование соответствующих греческих мифов (например, о том, как Гефест стал хромым (ср. [6, 1.586–594, с. 17, XVIII.393–397, с. 268; 7, VIII.310–311, с. 92]), или как Гелнос, узнав об измене Афродиты своему мужу Гефесту, известил последнего об этом [7, VIII.266–366, с. 91–93]). Используя цитаты переведенного греческого источника, автор статьи Ипатьевской летописи комбинирует их и пересказывает, создавая новую, единую композицию и показывая хорошее знание разных книг «Хронографии». При этом славянское происхождение, целиком независимое от текста Малалы, имеют лишь две вставки, и у них, очевидно, разные авторы: 1) описание наказания ввержением в огненную печь, появившееся впервые в ПВЛ, и 2) само соотнесение Гефеста со Сварогом, а Гелноса с Дажьбогом, встречающееся впервые уже в южнославянском переводе 11 книги. В. Й. Мансика считал, что описание брачных обычаев также принадлежит славянскому автору [16, с. 94], но сегодня очевидно, что он был не прав; Малала же, возможно, заимствовал миф об установлении брака Кекропом — прямо или опосредованно — из эпитомы Марка Юстина (11.6.7):

Царем афинян был Кекропс, о котором рассказывают, <...> что он имел в себе две природы и первый установил брак между женщиной и женщиной [24, с. 53].

Говорить о заимствовании славянским автором мифологемы наказания пенью крайне трудно, ср., например, библейское:

...брошены будете в печь, раскаленную огнем, <...> слуги царя, ввергшие их, не переставали разжигать печь (Дан. 3: 15, 3: 46 и т. д.).

Хотя значительное число исследователей считает, что соотнесение Сварога и Дажьбога соответственно с Гефестом и Гелносом произошло на основании тождества функций (как Гефест у греков, так

и Сварог у славян был кузнецом: аналогично Дажьбог у славян был солнечным богом, как у греков Гелиос [3, с. 21]; мы полагаем вслед за рядом других ученых [16, с. 93; 15, с. 81; 4, с. 156–157; 30, S. 24–30], что соотнесение Дажьбога с Гелиосом произошло на основании тождества родства. Как и Гелиос Гефесту, Дажьбог приходился сыном богу-кузнецу Сварогу. Эта теория имеет не меньше оснований, чем теория тождества функций, и устраняет сложность в толковании якобы двух солнечных божеств в восточнославянском пантеоне: Хорса и Дажьбога. В данном случае Дажьбог теряет обязательную связь с солнцем, и Хорс остается единственным солярным богом. Незначительные несовпадения, например касающиеся числа дней правления, восходят к разным версиям «Хронографии» и ее переводов (см. вышеуказанную работу В. М. Истрина).

Нужно особо подчеркнуть, что «отождествление Гефеста со Сварогом, а Гелиоса (Солнца) с Дажьбогом принадлежит <...> не летописцу, включившему фрагмент из Хронографии Малалы в летописную статью 1114 г., <...> а восходит к какой-то древней (если не первоначальной) редакции перевода Хронографии Малалы» [21; 18, с. 523–524]. Такая ситуация не уникальна: южнославянским переводам знаком и Перун, заменяющий Зевса в переводах с греческого [16, с. 223; 15, с. 80, 361] и т. д. Сварог и Дажьбог, таким образом, предстают персонажами южнославянской мифологии, известными восточнославянскому летописцу. Ведь Дажьбога мы также знаем по фрагменту ПВЛ 980 г., а также по независимому от ПВЛ восточнославянскому источнику — СПИ, где упоминаются «дажьбожьи внуки». Форма имени Сварог не засвидетельствована нигде, кроме указанного отрывка, но древнерусским поучениям против язычества XI–XIII вв. известен Сварожич, тождественный огню:

«огневися молять зовуше его сварожичем» в «Слове христороубца» [3, с. 305]; «и огневи сварожичю молятся» в «Слове об идолах» [3, с. 287].

Представляется, что именно на основании огненной природы Сварожича русский летописец решил сделать пояснение о ввержении в горящую печь в связи со Сварогом. Трактовать это можно очень разнообразно: так, есть предположение, что Сварог был известен только южным славянам, а у восточных он связывался с огнем (Сварожичем) лишь на основании сходства их имен. Однако трудно поверить, что «южнославянский» Сварог и восточнославянский Сварожич действительно никак не связаны. Ведь это южнославянский автор отождествил Сварога с богом огня и кузнецом Гефестом; восточнославянский же книжник на каком-то основании использовал эту глоссу. Скорее можно предположить другой вариант: описание о ввержении в печь раскрывает нам фрагмент недошедшей славянской мифологемы, к месту вспомнившейся древнерусскому летописцу.

Автор ПВЛ повторяет отрывок «Хронографа» отнюдь не механически. Во-первых, он приводит его без каких-то требований к этому самому тексту, а во-вторых, умело комбинирует фрагменты разных частей памятника, включая из них лишь то, что ему требуется. Приведение имен славянских божеств в таком контексте вряд ли может быть случайным: если восточнославянскому читателю они не знакомы, зачем вообще их упоминать в самостоятельной глоссе? Все это значит только одно: и Дажьбог и Сварог были известны и южно- и восточнославянскому миру, что подводит нас к необходимости предположения древнего, праславянского их происхождения, и вероятно, высокого статуса этих богов в славянском язычестве. Кроме того, бог Сварожич известен также полабским славянам XI–XII вв. [17, с. 394], хотя их *Zuarasici* — бог войны и оракул, чья связь с огнем не прослеживается, а у поляков было известно личное имя *Dadzbog*, *Daczbog* и т. д.

Некоторые исследователи полагали, что вставки, соотносящие Гефеста со Сварогом, а Гелиоса с Дажьбогом, тоже русского происхождения. Например, у А. Брюкнера: «...эти глоссы вписаны русской рукой в XI в.», потому что, по его мнению, любых упоминаний о язычестве болгарские книжники «избегали как пожара» (пер. с польского наш по [25, S. 51]). Но ведь подобную установку можно проследить и в древнерусской литературе, в таком случае неясно, как вообще возникли эти вставки. В настоящее время, в т. ч. благодаря трудам О. В. Творогова, доминирует мнение, что отождествление Гефеста со Сварогом, а его сына Гелиоса с Дажьбогом принадлежит южнославянской книжности.

2. В 1866–1867 гг. в Западной Сербии (современный Мачванский округ) были записаны две небольшие народные сказки, в которых упоминается Дабог. В год 150-летия с первой публикации приведем их обе в оригинале и в русском переводе. См. обе в Приложении 3.

Со времени введения обеих сказок (только в них, и возможно, в эпосе о кравеиче Марко и встречается Дабог) в научный оборот исследователи проводили более или менее уверенные параллели Дабога с Дажьбогом, например: [3, с. 20–21; 17, с. 395; 15, с. 362; 4, с. 163–164; 23, с. 528; 11, с. 241–242; 29; 30]. Из крупных исследователей сомневались в такой связи, пожалуй, лишь Е. В. Анничков и В. Й. Мансикка: «...связано ли затемненное название чёрта — *Dabog* — в одном из сербских народных сказаний <...> с восточнославянским Дажьбогом, нельзя установить» [16, с. 295]. Но мы уже показали, что Дажьбог — персонаж отнюдь не исключительно восточнославянский. Сходство имен действительно позволяет предполагать указанную связь, и если она есть, поражает протяженность народной памяти об этом боге. Полагаем, что образ Дабога родственен Дажьбогу, однако за несколько столетий бытования в христианской среде он сильно изменил свою роль. Известны югославскому фольклору и другие герои: Даба, Дабич и т. д.,

которых также рассматривают на соответствие этому образу [29].

Представляется любопытным сравнить эти произведения фольклора с некоторыми мифологическими мотивами, хотя доказать, что в данных сказках сохранилась чисто языческая мифология славян — почти невозможно. Первая сказка, имеющая более стройную композицию, наводит нас на целый ряд сюжетов, выводимых как из древнеславянских памятников, так и индоевропейских мифов. Дуализм, т. е. противостояние двух сопоставимых по могуществу сил, исследователи XIX — начала XX вв. видели во влиянии богомилства (христианской ереси X–XV вв.) [15, с. 362], однако в настоящее время это мнение отвергнуто: его мотивы встречаются с глубокой древности по всей Евразии, и сюжет противостояния можно смело предполагать славянским [12]. Победа «сына божьего» над Дабогом чем-то напоминает борьбу Зевса с Кроносом, пожиравшим своих детей. Однако мотив копыя восходит уже к североевропейским древностям, находящим параллели в т. ч. и у славян. Ибн Фадлан так описывает жертвующего в капище «руссов» на Волге в 920-е годы (VI):

...берет он известное число рогатого скота и овец, убивает их, часть мяса раздает бедным, остальное же приносит и бросает пред большим столбом и малыми, его окружающими, и вешает головы рогатого скота и овец на столбы, вставленные в земле [8, с. 96].

Лев Днякон пишет о древнерусском войске в походе Святослава в 971 году:

окружив [магистра], они зверским образом изрубили его вместе с доспехами своими мечами и секирами, **насадили голову на копьё**, водрузили ее на башне и стали потешаться над ромеями [крича], что они закололи их императора, как **жертвенное животное**» [14, IX.5, с. 78].

В 1066 г. уже о западнославянском полабском племени ратарей приводится описание убийства епископа Иоанна:

язычники, отрезав его голову, **насадили ее на кол и в знак победы принесли в жертву своему богу Редегосту**» [2, III.51, с. 84].

«Сын божий», то есть Иисус, в древнерусском духовном стихе «Голубиная книга» предстает «материалом» для создания мира:

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия: Солнце красное от лица Божьего, Самого Христа, Царя Небесного; Млад-светел месяц от груди его, Звезды частые от риз Божних.

и т. д. Любопытно, что при этом голова упоминается уже не Иисуса, а Адама:

«у нас в земле цари пошли: От святой главы от Адамовой»; у этой головы также воздвигли крест, где был распят Иисус, и «У той главы святы Адамо-

вы Вырастало древо кипарисовое, которое «всем древам отец» [5, с. 34–48].

Очевидную параллель такому мотиву находит сюжет скандинавских «Эдд», где бог Один с братьями творит мир из тела великана Имира, убитого ими, причем небо создается из черепа. Варианты данного мотива известны также индийской, иранской, греческой, кельтской мифологиям. На основе вышесказанного можно предположить следующий космогонический сюжет у славян: в начале мира некий творец убивает хтоническое первосущество, и насаживает его голову на вершину копыя [15, 149–150] — она становится небом. Само же копьё в данном случае является полной параллелью Мирового Древа, поддерживающего небосвод. В обряде насаживания головы на пику славянами ритуально воспроизводился этот не дошедший до нас в виде текста космогонический мотив. Возможно, к нему же отсылает славянский (и не только) обычай установки черепов животных на столбах, к которым привязывали чучела сжигаемых обрядовых персонажей вроде Масленицы. Подобного рода реконструкцию славянской космогонии развивает Л. Р. Прозоров, у которого мы позаимствовали эту любопытную идею [19, с. 108–117].

Насколько могла содержать первая сказка указанные мотивы? Этот вопрос едва ли можно решить однозначно. Если всё же допускать подобную реконструкцию, то логично заметить, что едва ли изначально погибшим хтоническим существом мог быть Дажьбог. Скорее, наоборот — он мог в языческую пору играть роль творца, но в течение столетий бытования сюжета в христианской среде превратился в антагониста. Косвенно об этом говорит и проводимое некоторыми исследователями тождество Редегоста (которому и приносили в жертву голову!) с полабским Сварожичем, а его, в свою очередь, с восточнославянским Дажьбогом (так как тот «сын Сварогов», т. е. Сварожич) [15, 138–143], которое, впрочем, не является общепризнанным.

Перевод второй сказки имеет немало сложных и спорных моментов. У нее есть архаические черты, например творение неба после земли, четырехчастное деление пространства, космогонические нехристианские мотивы и т. д. Особенно интересным представляется упоминание четырех ветров (известных также греческой и германской мифологии), которые здесь представлены в соотношении с образами четырех евангелистов. Параллель финской «Калевале» прослеживается в послании пчелы к Богу [10, 15.393–560, с. 163–166]: типично фольклорными являются собрание злых духов под руководством своего вождя и этиолого-космогонический мотив награждения или наказания за те или иные деяния в начале мира и т. д. Любопытно, что Дабог здесь выступает в роли знатока неба и земли, благодаря познаниям которого христианскому Богу удается принести в мироздание гармонию.

Впрочем, более обстоятельный разбор текстов указанных сказок вместе с возможностью уточнения

перевода выходит за рамки статьи и будет представлен в будущих исследованиях. Относительно же сущности Дажьбога отошлем читателя к нашей недавней работе, в которой предложен новый взгляд на него — как на славянское развитие индоевропейского Бога Сияющего Неба (тем самым развивается и поднятая выше проблема частого, но не вполне верного объяснения связи Дажьбога и Гелиоса в переводе Малалы) [13]. Указанная статья значительно глубже рассматривает предмет, в том числе анализируя ряд аспектов, которые упоминались и в настоящей работе. Представляется возможным утверждать, что приведенные источники подтверждают прежде всего значимость Дажьбога в славянской мифологии.

Приложение 1.

«Повесть временных лет», Ипатьевская редакция, 6622 (1114) год, пер. О. В. Творогова (далее ссылка и на оригинал) [18, с. 308–311]:

Если же кто этому не верит, пусть почитает Хронограф <...> И после потопа и после разделения языков начал царствовать сначала Местром, из рода Хама, после него Ермия, затем Феоста, которого и Сварогом называли египтяне. Когда царствовал этот Феост в Египте, в годы правления его упали клещи с неба, и начали ковать оружие, а до того палицами и камнями бились. Тот же Феоста закон издал о том, чтобы женщины выходили замуж за одного мужчину и вели себя воздержанно, а кто впадет в прелюбодеяние, тех казнить повелевал.

Приложение 2.

«Хронография» Иоанна Малалы. I.23 [26, р. 21–22]:

Ὅτε οὖν αὐτὸς Ἑρμῆς εἰς τὴν Αἴγυπτον ἦλθεν, ἐβασίλευσε τῶν Αἴγυπτίων τότε ἐκ τοῦ γένους τοῦ Χάμ ὁ Μεστράϊμ. οὗτινος τελευτήσαντος ἐποίησαν οἱ Αἴγυπτιοὶ τὸν Ἑρμῆν βασιλέα. καὶ ἐβασίλευσε τῶν Αἴγυπτίων ἔτη λθ' ἐν ὑπερηφανίᾳ.

Καὶ μετ' αὐτὸν ἐβασίλευσε τῶν Αἴγυπτίων ὁ Ἦφαιστος ἡμέρας, αχλ', ὡς γενέσθαι ἔτη δ', μῆνας ς', ἡμέρας γ'. οὐκ ᾔδεισαν γὰρ τότε ἐνιαυτοὺς μετρεῖν οἱ Αἴγυπτιοὶ, ἀλλὰ τὴν περίοδον τῆς ἡμέρας ἐνιαυτοὺς ἔλεγον. τὸν δὲ αὐτὸν Ἦφαιστον θεὸν ἐκάλου. ἦν γὰρ πολεμιστῆς καὶ μυστικὸς, ὅστις ἐλθὼν εἰς πόλεμον συνέπεσεν σὺν τῷ ἵππῳ αὐτοῦ, καὶ πληγεὶς ἔμεινε χωλεύων.

Ὁ δὲ αὐτὸς Ἦφαιστος νόμον ἔθηκε τὰς Αἴγυπτίας γυναῖκας μονανδρεῖν καὶ σωφρόνως διάγειν, τὰς δὲ ἐπὶ

Поэтому и прозвали его бог Сварог. Прежде же женщины сходились с кем хотели, точно скот. Когда женщина рождала ребенка, она отдавала его тому, кто ей был люб: "Это твоё дитя". Тот же, устроив празднество, брал себе ребенка. Феост же этот обычай уничтожил и повелевал одному мужчине иметь одну жену и женщине за одного мужа выходить, если же кто преступит этот закон, да отвергнут его в печь огненную. Того ради прозвали его Сварогом и чтити его египтяне. И после него царствовал сын его, по имени Солнце, которого называют Дажьбогом, 7 тысяч и 400 и семьдесят дней, что составляет двадцать с половиной лет. Не умели ведь египтяне иначе считать: одни по луне считали, а другие днями годы считали; число двенадцать месяцев узнали потом, когда начали люди дань давать царям. Солнце царь, сын Сварогов, иначе Дажьбог, был могучим мужем. Услышав от кого-то о некоей богатой и родовитой египтянке и о человеке некоем, восхотевшем сойтись с ней, искал ее, желая схватить. Не хотел он закон отца своего Сварога нарушить. Взяв с собой нескольких мужей и узнав час, в который она прелюбодействует, ночью застиг ее и не нашел мужа с ней, а беззастыдливо лежащей с другим мужчиной, которого она возжелала. Схватил ее, подверг пытке и послал водить ее по земле египетской на позор, а того прелюбодея обезглавил. И настало непорочное житье по всей египетской земле, и все восхваляли его. Но мы не будем продолжать рассказ

Жирным выделены самостоятельные славянские вставки, не имеющие соответствия в оригинале у Малалы.

Перевод с греч. А. С. Досаева (которому выражаем нашу благодарность):

Когда в Египте появился сам Гермес, над египтянами царствовал Местраим из народа Хама. И когда он скончался, египтяне сделали своим царем Гермеса. И он высокомерно царствовал над египтянами 39 лет.

После него над египтянами в течение 1680 дней, — что составляет 4 года, 7 месяцев и 3 дня, — царствовал Гефест. Дело в том, что египтяне в те времена не знали летоисчисления, но вместо того, чтобы измерять время годами, делали это в днях. Самого же Гефеста они называли богом. И был он [весьма] воинственным и таинственным. Отправившись [однажды] на войну, он упал [там] с лошади и после этого стал хромым.

Этот Гефест издал закон, чтобы все женщины в Египте довольствовались одним мужем и вели себя целомудренно. [Также по этому закону] были

μοιχείαν εύρισκομένης τιμωρείσθαι, και ηυχαρίστεσαν αυτω οι Αιγύπτιοι, διότι πρώτον νόμον σωφροσύνης τουτον έδέξαντο.

Ο δε αυτός Ήφαιστος από μυστικής τινος εύχης την άξυλάβην έδέξατο εκ του άερος εις τό κατασκευάζειν εκ σιδήρου όπλα. όθεν και επικρατής σιδήρου ηύρέθη εις τους πολέμους, άπεθέωσαν ούν αυτόν, ως σωφροσύνην νομοθετήσαντα και τροφήν άνθρώποις διά κατασκευής όπλων εύρηκότα και εν τοις πολέμοις δύναμιν και σωτηρίαν ποιήσαντα, πρό γάρ αυτόυ ροπαλοισ και λίθοις έπολέμουν

«Χρονογραφία». II.1 [26, p. 23–24]:

Μετα δε τελευτήν Ήφαιστου έβασίλευσεν Αιγυπτίων ο υιός αυτού Ήλιος ήμέρας, δυος, ως είναι έτη ιβ' και ήμέρας -ζ'. ου γάρ ηδεισαν οι Αιγύπτιοι τότε η άλλοι τινές αριθμόν ψηφίσαι, άλλ' οι μεν τάς περιόδους της σελήνης έψηφίζον εις έναυτούς, οι δε τάς περιόδους των ήμερών εις έτη έψηφίζον. οι γάρ των ιβ' μηνών αριθμοι μετα ταυτα έπενοήθησαν, έξότε έπωνομάσθη τό ύποτελείς είναι τους άνθρώπους τοις βασιλεύσιν.

ο δε αυτός Ήλιος, ο υιός Ήφαιστου, ην φιλότιμος δυνατός, όστις έδιδάχθη υπό τινος ως γυνή τις Αιγυπτία των εν εύπορία και άξία ούσων παρ' αυτοις έρώσα τινος έμοιχεύετο ύπ' αυτού, και άκούσας ο Ήλιος έξήτησεν αυτήν πιάσαι διά την του πατρός αυτού Ήφαιστου νομοθεσίαν, ίνα μη λυθή, και λαβών στρατιώτας εκ του ίδιου στρατού, μαθών τον καιρόν της μοιχείας αυτής γίνεσθαι νυκτών, επιρρίψας αυτή του άνδρός αυτής μη όντος αυτόθι, εύρεν αυτήν μετά άλλου καθεύδουσαν του έρωμένου παρ' αυτής, ηντινα εύθέως καταγαγών έπόμπευσεν εν πάση τη χώρα της Αιγύπτου τιμωρησάμενος, και γέγονε σωφροσύνη μεγάλη εν τη γη της Αιγύπτου, κάκεινον δε τον μοιχόν άνείλε, και εύχαριστήθη

«Χρονογραφία». IV.4 [26, p. 71]:

Τούτο από της Αττικής ειρχθη, τό μη άναγκάζεσθαι αυτάς συνείνα άνδρί πρός όν βούλονται, ουδεις ούν ηδει τις ην υιός η θυγάτηρ, και έδίδου τό τεχθεν φ ήβούλετο άνδρί συμμιγέντι αυτή, είτε άρρεν είτε θηλυ έτεκε, και έχαιρον δεχόμενοι, ο δε Κέκροψ εκ της Αιγύπτου καταγόμενος έξεφώνησε τον νόμον τουτον, είρηκώς...

предусмотрены наказания для тех, кто будет уличен в прелюбодеянии. Египтяне были весьма благодарны ему за это, ведь этот закон стал [у них] первым относительно целомудрия.

Этот же Гефест с помощью некой тайной молитвы получил из воздуха шипцы, с помощью которых из железа можно было изготавливать оружие; благодаря этому для тех, кто участвовал в войнах, он стал Укротителем Железа. Из-за того, что Гефест возвел в ранг закона целомудрие, [а также] открыл способ, с помощью которого люди научились делать оружие, добавлявшее им на войне мощи и дарящее спасение, он был обожествлен. До него же они сражались [исключительно] с помощью дубин и камней

Перевод с греч. С. С. Аверинцева (по изданию [1, с. 230]):

По кончине Гефестовой правил египтянами сын его Гелиос дней четыре тысячи четыреста семь, спречь годов двенадцать и еще дней девяносто семь; но во времена те ни египтяне, ни прочие народы не умели еще счет вести, но одни числили за годы обращения луны, иные же обращения дневные. Счисление же по двенадцати месяцам измышлено было после того, как нареклись человеки у царей подданными.

Оный Гелиос, сын Гефестов, славолобив был и могуществен. Узнал он от кого-то, что жена некая египетская, в достатке и чести живущая, возымеv вождление к мужу некоему, впала с ним в блуд; прослышав же сие, искал Гелиос уличить ее по законоположению Гефестову, дабы не ушла она от кары. Дознавшись о часе блудных ее свиданий и взяв воинов из дружины своей, ворвался он к ней в отсутствие супруга ее и обрел ее возлегшей с любодеем своим. Захватив ее, повелел он немедля со срамом водить ее по всей земле Египетской; и сделалось со времени того целомудрие великое в пределах египетских. Любодее же того казнил он и тем благодарность себе стяжал

Перевод с греч. А. С. Досаева:

[Кекропс] запретил для жителей Аттики их прежний обычай, согласно которому местные женщины могли совокупляться с кем им было угодно, поскольку из-за этого получалось, что никто из тамошних жителей не знал, кто чей сын и кто чья дочь. Когда же рождался ребенок, что мужского, что женского пола, мать по своему усмотрению отдавала его любому из своих любовников, причем тот, кто получал этот подарок, должен был с радостью его принять. Египтянин же Кекропс этот вышеупомянутый обычай запретил...

Приложение 3.

Перевод с сербского наш (за помощь с переводом обеих сказок выражаем благодарность Стефану Стаменковичу):

Дабог (Послао Живојин Радонић, свешт. у Лојаницама, 1866) [27]:

Био Дабог цар на земљи, а Господ Бог на небесима. Па се погоде: грешне душе људи да иду Дабогу, а праведне душе Господу Богу на небеса. То је тако дуго трајало. Док се Господу Богу ражали што Дабог много преко мере душа прождире, па стане мислити как би силу Дабогову укратио. Да га убије, није могао јер је Дабог. Боже прости био силаи као и Господ Бог на небесима, а није могао ићи је било од тебе погодбу покварити. Најпосле пошље св. Тому к Дабогу да га искуша: чим би му се могла сила укратити. Свети Тома сиђе на земљу к Дабогу, и једнако га је кушао док га није искушао: да се његова сила укратити никако не може, јер су тако два цара уговорила: него ако би се у Господа Бога син родио, он би могао потражити своју очевину. Како то чује свети Тома одма се дигне, те Господу Богу, и каже му све по реду шта је чуо од Дабога. А Господ Бог задија сина. Кад Дабог чује да се у Господа Бога задијао и родио син, и да већ иде по своју очевину, од тешке јарости зине да му се једна вилицетина вукла по земљи, а другом у небо додирао, не би ли и сина Божијег прождрџо. Али му син божији не даде ни данути, него га удари копљем у доњу вилицу и усправи копље те му се и горња вилица на копље набодје. И како је онда син божији копљем вилице развалио, тако стоји и данас, и стајаће веки амин. А све грешне душе, што их је Дабог од памтивека прождрџо покуљају из уста и оду са сином Господу Богу на небеса

Из прича о створењу света (Послао Живојин Радонић, свештеник, 1867) [28]:

Господ Бог створио је најпре земљу, па онда небо. Али се некако догоди те земљу створи већу а небо мање, те не могне небо да покрије земљу. Кад то види господ Бог, замисли се, шта ће и како ће. Стане питати све редом своје свеце: шта ће и како ће. Али ни један ништа му не умеде казати. У то време Дабог* скупио скупштину па већа и смеје се што се господ Бог мучи. А господ Бог куд ће шта ће те пошље челу, да оде и да падне на капу Дабогу, да све саслуша шта се он разговара, па после да му — господу Богу каже. Чела оде и све саслуша шта се Дабог на скупштини са нечастивим — буди Бог с нама и анђели божији — разговара. Али кад полети, не даде јој се мировати, него зукне. Дабог скочи, удари се руком по колелу и рече: "ово је

Сербская народная сказка «Дабог» (записал в 1866 священник Ж. Радонич):

Был Дабог царь на земле, а Господь Бог — на небесах. И такой был уговор: грешные души людей шли Дабогу, а праведные души — Господу Богу на небеса. Так долго продолжалось. Наконец Господу Богу пожаловались, что Дабог чрезмерно много душ пожирает, и он начал думать, как бы силу Дабога уменьшить. И убить его не мог, потому что Дабог (Боже прости!) был сильным, как и Господь Бог на небесах: и нарушить уговор не мог. Тогда послал он святого Фому к Дабогу, чтобы выпытать, чем бы можно его силу уменьшить. Святой Фома сошел на землю к Дабогу и начал спрашивать его, пока не выпытал, что сила его никак не может уменьшиться, потому что так два царя уговорились: но если бы у Господа Бога родился сын, он бы мог добиться своей собственности. Как святой Фома это услышал, он тут же встал и рассказал Господу Богу всё по порядку, что услышал от Дабога. А Господь Бог зачал сына. Когда Дабог услышал, что у Господа Бога был зачат и родился сын и что он уже идет взять свою собственность, от сильной ярости раскрыл рот, да так, что одна челюсть заволочилась по земле, а другая достала до неба; он бы и сына Божьего пожрал. Но ему сын Божий не дал и вздохнуть, да ударил копьем в нижнюю челюсть и поставил копье так, что и верхняя челюсть была проткнута копьем. И как сын Божий копьем сломал челюсти, так они по сей день и стоят разверзнутые, и будут стоять так во веки веков, аминь. А все грешные души, которых Дабог от века пожирал, вырвались из пасти и ушли с сыном Господа Бога на небеса

Сербская народная сказка «Из сказания о сотворении мира» (записал в 1867 священник Ж. Радонич):

Господь Бог сотворил сначала землю, а потом небо. Но как-то произошло, что землю он создал больше, а небо меньше, и не могло небо покрыть землю. Когда это увидел Господь Бог, задумался, что и как. Стал спрашивать по порядку своих святых: что и как. Но ни один ему не мог ничего сказать. В то время Дабог собрал собрание и смеялся над тем, что Господь Бог мучается. А господь Бог — куда и что — послал пчелу, чтобы отправившись, присела на голову Дабогу, да выслушала, что он говорит, чтобы потом ему — Господу Богу — рассказать. Пчела полетела и все выслушала, что Дабог на со-

гласноша божји, кућа му од г... све ће казати што смо се год разговарали.” — па пусти јак ветар да челу у лету смете, и грозну кишу да јој се крила оквасе те да не могне узлетети и господу Богу његове разговоре казати. Кад зло време јадну челицу сулети, оно куд ће шта ће него утече под струк босиљка. А где ће стручак босиљка заклопити кога од зла времена...?! Одатле полети те падне на тополов лист, а он се стане трести да јадна чела спадне на земљу. Одатле се опет давранише те падне на тамњаново дрво под кору, и ту се одржи док ветар и киша не стану, па се одатле вине горе и господу Богу падне па колено, а господ Бог узме је на длан, и запита је: шта је чула, и где се ода зла времена склонила. А она му одговори: “Чула сам где Дабог вели: да зна господ Бог, да пусти четири ветра да са четири стране земљу стежу, нека се утолегну долине а искоче брда: и да пошље четири своја јеванђелиста да на четири стране небо растежу — онда би му небо поклопило земљу. И још ме нагрди, рече ми: да ми буде кућа од г... А да не би малог стручка босиљковог и тамњановог дрвета, по тополи страдала бих ти ода зла времена.” Господ Бог рече јој: “Нека ти и буде кућа од г..., а ти да си благословена; без тебе се не могло ни живети ни умрети. Да је благословен и стручак босиљка и тамњаново дрво, без њих се не могло ни живети ни умрети; а топола да је проклета, тресла се и на лепом времену.” То рекне па пусти четири ветра да са четири стране (дувањем) земљу стежу да искоче брда, а утолегну се долине, и пошље четири јеванђелиста да па четири стране небо растежу. Ветрови стегну земљу те искоче брда и утолегну се долине, а јеванђелисти растегну небо, те тако небо поклопи земљу. С чега, босиљак и тамњаниково дрво остану благословени, а топола проклета и до данас

* По непонятной причине в оригинале публикации второй сказки имя Дабога всегда пишется с ширкумфлексом на первом слоге: Да́бог, хотя в сербском алфавите такое написание не употребляется. Отметив этот факт, мы тем не менее передаем сказку с обычной буквой «а».

Литература

1. Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. М.: Мир, 1994.
2. Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви / Пер. с лат. Н. В. Дьяконова // Славянские хрониксы. М.: Русская Панорама, 2011.
3. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М.: Академический Проект, 2013.
4. Гейштор А. Мифология славян. М.: Весь мир, 2014.

бранни с нечестивыми — будет Бог с нами и ангелы Божиин! — говорил. Но когда собралась улетать, не дал он ей спокойно это сделать, и она зажу жжала. Дабог вскочил, ударил себя рукой по колену и говорит: “это глашатай Господа, дом его из г..., всё скажет ему, о чем мы говорили”. — Выпустил сильный ветер, чтобы пчелу на лету смел, и сильный дождь, чтобы у нее крылья намокли, чтобы она не могла взлететь и Господу Богу разговоры рассказать. Когда страшная непогода наступила пчелу, она — куда и что — залетела под стебель базилика. А как стебель базилика может защитить кого-то от ужасной погоды...?! Оттуда полетела и села на тополиный лист, а он начал трястись так, что бедная пчела упала на землю. Оттуда опять полетела, на ладанное дерево под кору, и тут дождалась, пока ветер и дождь не перестанут, и оттуда полетела в гору; Господу Богу села на колено, а господь Бог взял её на ладонь и спросил: что слышала и куда спряталась от такой непогоды. А она ему отвечает: “слышала, как велит Дабог; пусть знает господь Бог, да выпустит четыре ветра, чтобы с четырех сторон землю сжимали, да пусть долины утихнут и выскочат холмы; и пошлет четырех своих евангелистов на четыре стороны небо растягивать — и тогда небо накроет землю. И еще меня наградил, сказал мне: да будет мой дом из г... И да не будет маленьким стебель у базилика и ладана, а тополя да повреждаются в ненастную погоду.” Господь Бог сказал ей: “пусть и будет дом твой из г..., а ты будь благословенна; без тебя нельзя ни жить, ни умереть. Пусть будет благословен и стебель базилика и ладана, без них нельзя ни жить, ни умереть; а тополь да будет проклят, пусть трясется и при хорошей погоде”. Сказав это, выпустил четыре ветра, чтобы с четырех сторон землю стягивали, да чтобы выскочили холмы и утихли долины, и послал четырех евангелистов на четыре стороны небо растягивать. Ветры сжали землю, выскочили холмы и утихли долины, а евангелисты растянули небо, так что оно покрыло землю. С того базилик и ладан стали благословенны, а тополь проклят и по сей день

5. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М.: Моск. рабочий, 1991.
6. Гомер. Илиада / Пер. с гр. Н. Н. Гнедича. СПб.: Наука, 2008.
7. Гомер. Одиссея / Пер. с гр. В. В. Вересаева. М.: ГИИЛ, 1953.
8. Ибн Фадлан. Записки / Пер. с араб. А. Я. Гаркави // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

9. Петрин В. М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.
10. Калевала / Пер. с финского Э. Киуру, А. Мишина. Петрозаводск: Карелия, 2006.
11. Клеффи Л. С. Воскрешение Перуна. СПб.: Евразия, 2004.
12. Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: ИИЦ ОИГТ М СО РАН, 1998.
13. Кутарев О. В. Славянский Дажьбог как развитие индоевропейского Бога Сияющего Неба (Дьёус-Патер) // *Философия и культура*. 2016. № 1. С. 126–141.
14. Лев Диакон. История / Пер. с греч. М. Копыленко, С. Иванова. М.: Наука, 1988.
15. Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок. СПб.: Академический Проект, 2003.
16. Мансика В. Й. Религия восточных славян. М.: ИРЛИ РАН, 2005.
17. Нидерле Л. Славянские древности. М.: Новый Акрополь, 2010.
18. Повесть временных лет / Пер. с др.-рус. О. В. Творогова // Библиотека литературы древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. С. 62–315.
19. Прозоров Л. Р. Богатырская Русь: русские титаны и полубоги. М.: Эксмо, 2009.
20. Слово о полку Игореве / Пер. с др.-рус. О. В. Творогова // Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1985. С. 27–44.
21. Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы» // *ГОДРЛ*. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 188–192.
22. Творогов О. В. Хроника Иоанна Малалы // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л.: Наука, 1987. Вып. 1. С. 471–474.
23. Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Гнозис, 1995. Т. 1. С. 508–575.
24. Юстин Марк Юлиан. Эпитома сочинения Помпея Тропа «Historiae Philippicae». Пер. с лат. А. А. Деконского. М.: ИРЛИ РАН, СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
25. Brückner A. Mitologia slowianska. — Krakow: NAW, 1918.
26. Joannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonn, 1831.
27. Дабог // Вила: лист за забаву, книжевност и науку. Изд. С. Новаковић. Београд: Државна штампарња, 1866. Година друга. С. 642.
28. Из прича о створењу света // Вила: лист за забаву, книжевност и науку. Изд. С. Новаковић. Београд: Државна штампарња, 1867. Година трећа. С. 655–656.
29. Чајкановић В. О врховном Богу у старој српској религији // Чајкановић В. Мит и религија у срба. Београд, 1973. С. 307–326.
30. Чаусидис П. Даждбог по хроникама на Малала и неговите релации со други средновековни и фолклорни извори // *Studia Mythologica Slavica* 3. Ljubljana, 2000. S. 23–42.